

Меня зовут Лэ-Лэ, мне пять лет. Я заметил, что мои папы почти никогда не ссорятся, по крайней мере, не так громко, как в мультиках. Однако иногда они бывают не в духе.

Эта нелюдимость у них очень тихая.

Например, сегодня утром я почувствовал, что в воздухе что-то не так. За завтраком папа Гао Ту молча пододвинул папе Шэню стакан молока, а тот, хотя обычно всегда говорит спасибо, на этот раз лишь молча принял его. Они не обменялись ни взглядом, и за столом было слышно только, как ложки стучат о края тарелок.

Я жевал бутерброд и украдкой переводил взгляд с одного на другого. Я знал: они точно не в духе.

Позже я тихонько спросил дядю, секретаря Циня, и узнал, что дело в каком-то важном проекте. Папа Гао Ту считал риск слишком высоким и предлагал отказаться, а папа Шэнь настаивал на продолжении, вот они и разошлись во мнениях. Но этих сложных причин я не понимал, меня заботило только одно: когда же они помируются.

Удивительно, но, даже будучи не в духе, они продолжали делать всё, что положено.

Папа Шэнь, как и всегда, машинально отодвигал стул, когда папа Гао Ту вставал из-за стола, чтобы тот не мешал проходу. А папа Гао Ту, когда папа Шэнь работал с документами, по-прежнему ставил под руку стакан воды и те самые таблетки для желудка, которые тот обычно принимал.

Они просто не разговаривали.

Эта тишина тянулась до самого вечера. Папа Гао Ту работал в кабинете, а папа Шэнь смотрел новости в гостиной. Я сидел на ковре и собирал пазл, и мне казалось, что время течет невыносимо медленно.

Когда я уже почти готов был бросить наблюдение и идти спать, всё изменилось.

Папа Гао Ту вышел из кабинета на кухню за водой. Наверное, он очень устал за день, потому что не заметил под ногами одну из моих игрушек. Он чуть не споткнулся, и хотя удержал равновесие, всё же заметно пошатнулся.

Почти в то же мгновение папа Шэнь, который до этого спокойно сидел на диване, вскочил с места — так быстро, что поднял ветер. На его лице промелькнула тревога, которую он не успел скрыть. И только увидев, что папа Гао Ту ухватился за столешницу и выпрямился, он медленно сел обратно, хотя взгляд его всё ещё был прикован к нему.

Папа Гао Ту тоже замер на секунду. Он держал стакан и смотрел в сторону гостиной. Их

взгляды на мгновение встретились, но тут же разошлись.

Однако атмосфера в комнате изменилась.

Спустя некоторое время папа Гао Ту с бокалом в руках прошел в гостиную. Он не вернулся в кабинет, а присел на другой край дивана. Папа Шэнь ничего не сказал, но убавил громкость телевизора.

Я поспешил воспользоваться моментом, схватил свой пазл и подбежал к ним, усевшись в пустое пространство между ними:

— Папа, папа Шэнь, этот пазл такой сложный, помогите мне, пожалуйста!

Папа Гао Ту сразу опустил голову и мягко спросил:

— Хорошо, какая деталь не подходит?

Папа Шэнь не придвинулся ближе, но перестал смотреть телевизор, и его взгляд упал на нашу кучу разрозненных кусочков.

Когда папа Гао Ту взял деталь цвета неба и замешкался, не зная, куда её пристроить, папа Шэнь внезапно протянул руку, указал на место в правом верхнем углу и коротко бросил:

— Сюда.

Папа Гао Ту послушно вставил деталь на указанное место — она подошла идеально.

— М-м, — тихо отозвался папа Гао Ту.

Папа Шэнь едва заметно кивнул.

Никаких извинений, никаких объяснений, даже ни слова вроде «не сердись».

Но в тот самый миг, когда деталь встала на место, я понял: они помирились.

Тяжелый воздух в доме внезапно стал легким. Когда папа Гао Ту поднялся, чтобы подогреть мне молока, он тихо напевал себе под нос. Папа Шэнь хоть и по-прежнему молчал, но откинулся на спинку дивана, и его поза заметно расслабилась.

Перед сном я украдкой спросил папу Гао Ту:

— Папа, почему вы помирились, даже не поговорив?

Папа Гао Ту поправил одеяло и улыбнулся:

— Потому что некоторые вещи можно понять и без слов. Я знаю, что он вскочил, потому что волновался за меня, а он знает, что я сел рядом, потому что хотел быть ближе. Этого достаточно.

Кажется, я начал понимать. Взрослым для примирения иногда не нужны слова «прости» или «ничего страшного». Мимолетная тревога, добровольный шаг навстречу — это словно секретный шифр, понятный только им двоим.

И такое молчаливое примирение, кажется, куда прочнее и теплее, чем громкие извинения и обещания. Ведь оно строится на долгих годах понимания и доверия, словно корни огромного дерева, уходящие глубоко в землю: ветер дует, дерево может покачнуться, но оно никогда не упадет.

<http://bllate.org/book/18624/1793102>